

Лекарь Чжоу по чину уступал Хан Чжо — он занимал должность главы Императорской медицинской палаты пятого ранга, однако его руки исцеляли недуги, а сам он служил лично государю.

Едва гость прибыл, Хан Чжо вместе с Хан Шу поспешили проводить его в покои старой госпожи. По дороге Хан Чжо вкрадчиво, тихим голосом описывал самочувствие матери.

Поглаживая седую бороду, лекарь благожелательно улыбался и понимающе кивал.

Ростом лекарь Чжоу не вышел, да и разменял уже седьмой десяток. Ему давно пора было отойти от дел, но государь ценил его преданность и доверял лишь его искусству, отчего лекарь так и оставался при дворе, неусыпно заботясь о здравии владыки.

Несмотря на почтенный возраст, Чжоу прямо-таки пышал бодростью: взгляд его оставался ясным, щеки — румяными, а голос звучал на редкость уверенно и твердо. Не будь его борода столь бела, лекаря легко можно было бы принять за мужчину в самом расцвете сил.

Вскоре они достигли двора Вутонов. Все бывшие в покоях старой госпожи женщины, едва узнав о прибытии лекаря, поспешили удалиться, чтобы не нарушать приличий.

Войдя в комнату, лекарь Чжоу увидел старую госпожу: она полулежала на мягкой кушетке, бледная и явно лишенная сил. Увидев гостя, она слабо, вымученно проговорила:

— Лекарь Чжоу, прошу простить, что заставила вас проделать этот путь.

Поскольку старая госпожа Хань была титулованной госпожой первого ранга, а принимали его в герцогском поместье, лекарь Чжоу почтительно отозвался:

— Старая госпожа слишком добра к своему слуге, это мой священный долг.

С этими словами он шагнул ближе и бережно коснулся ее запястья, прощупывая пульс.

Молчание длилось ровно столько, чтобы не показаться небрежным, но и не напугать больную излишним промедлением.

Когда лекарь отнял пальцы, Хан Чжо сразу же подался вперед:

— Лекарь Чжоу, как самочувствие моей матушки?

Чжоу мягко улыбнулся сначала хозяину дома, затем — старой госпоже:

— Пульс старой госпожи указывает на обострение застарелого недуга сердца. Прежние снадобья отменять не стоит. Кроме того, налицо застой жизненных сил из-за душевного томления и гнева. Я выпишу рецепт, пусть отвар принимают ежедневно. И главное — покой. Старой госпоже вредно предаваться излишним заботам.

Подобная «болезнь сердца» была обычным делом среди знатных дам. Стоило старой госпоже увидеть неприятное лицо, услышать дурное известие или рассердиться на непочтительную невестку, как у нее тут же колело в груди и темнело в глазах.

Вызови они придворного лекаря или простого знахаря — диагноз всегда оказывался один. У простых людей таких недугов отродясь не бывало, и в высшем обществе это лукавство прекрасно понимали.

Понимал это Хан Чжо или нет, но весть о том, что матушка поправится от нескольких чаш отвара, принесла ему заметное облегчение. Он рассыпался в благодарностях, подвел лекаря Чжоу к столику за ширмой, чтобы тот записал рецепт, и тотчас велел личному слуге мчаться в лавку за снадобьями.

Покончив с делами и пожелав старой госпоже скорейшего выздоровления, Хан Чжо с провожатыми почтительно откланялись и вышли, чтобы не тревожить больную.

Едва они миновали порог, Хан Чжо обратился к лекарю:

— Лекарь Чжоу, вам наверняка известно, что мой сын, едва получив титул наследника, слег. Мы полагали, что виной тому слабость от преждевременного рождения, но теперь открылась страшная правда: мальчик стал жертвой злодеев. Знаю, моя просьба нарушает устав палаты, но умоляю вас — осмотрите его. Вдруг еще есть надежда на спасение? Буду благодарен вам до гробовой доски.

Лекарь Чжоу улыбнулся чуть шире и посмотрел на собеседника долгим, понимающим взглядом:

— Герцог слишком церемонится. Помогать страждущим — долг каждого, кто давал клятву лекаря. Ведите же.

Хан Чжо жестом указал направление, выказывая намерение проводить его лично. Оставшийся у дверей Хан Шу потемнел лицом. Едва брат с гостем скрылись из виду, он ворвался обратно в покои старой госпожи и запричитал:

— Матушка, вы только посмотрите на старшего брата! Зачем он повел лекаря Чжоу к этому щенку? Словно ему мало забот, сам на свою голову беду кличет!

Старая госпожа Хань смирила его ледяным, тяжелым взглядом и хлестко оборвала:

— Дурак.

Хан Шу вспыхнул от обиды и гнева. В уязвленном самолюбии он выпалил:

— Конечно, матушка, ваша правда! Я ведь с самого детства умом не вышел, куда мне до старшего брата и третьего! Неудивительно, что вы всегда выделяли их двоих!

От этих слов у нее вновь закололо в груди. Схватив вышитый золотой нитью валик, она со всей силы запустила им в голову сына:

— Вон! Убирайся с моих глаз!

Хан Шу, тяжело дыша от ярости, круто развернулся и вымелся вон.

Глядя ему вслед, старая госпожа бессильно уронила голову и, утирая набежавшие слезы, пожаловалась матушке Ван:

— И за что мне это наказание? Каким ветром в моем доме завелся такой недоумок?

Все прочие ее дети — и сыновья, и дочери — родились на редкость хваткими и проницательными. Каждый из них умел выстроить разговор так, чтобы сказать на три гроша, а выгоды выгадать на целый золотой, и читал чужие помыслы как открытую книгу.

И только Хан Шу уродился тупым, точно колода. В детстве даже простейшие свитки давались ему с невероятным трудом.

Оставшись в столице, он не только ничем не помогал Хан Чжо, но и вечно путался под ногами, создавая лишние хлопоты. Будь сегодня здесь ее третий сын, Хан Пин, он ни за что не отпустил бы старшего брата наедине с придворным лекарем к постели больного. Обязательно увязался бы следом, чтобы показать государю свою заботу о племяннике!

«И этот болван даже не потрудился пораскинуть умом! — в ярости размышляла она. — Кто такой лекарь Чжоу? Самый доверенный человек государя! Обо всем, что творится сегодня в нашем поместье, он непременно доложит в императорском кабинете до мельчайших подробностей. И то, как повел себя Хан Шу, тоже станет известно императору...»

От этих мыслей у старой госпожи невыносимо заломило в висках.

Матушка Ван прекрасно знала крутой нрав хозяйки: та могла сколько угодно честить сыновей последними словами, но упаси боги постороннему поддакнуть ей хоть в малом. Подав чистый платок, служанка ласково заговорила:

— Полно вам, госпожа. Второй молодой господин просто слишком прямодушен. Вот остынет по дороге, все обдумает и поймет, что вы лишь о его благе печетесь.

Напряжение на лице старой госпожи немного спало. Взяв платок, она промокнула уголки глаз и тяжело вздохнула:

— Лишь потому, что у него язык впереди мыслей бежит, я и не пустила его на службу в провинцию. Держу при себе, под присмотром. Думаю: случись беда, здесь, в столице, авторитета нашего дома хватит, чтобы его выгородить. А окажись он в глуши один — страшно представить, каких дров наломал бы.

Разговор о провинциальной службе невольно напомнил ей о третьем сыне, Хан Пине, который уже много лет занимал должность в Цзяннани. И в голове старой госпожи начали складываться новые планы.

На ее нынешнее празднество Хан Пин не смог приехать лично — без высочайшего соизволения чиновникам запрещалось покидать место службы. Однако его законная супруга, госпожа Вэнь, привезла щедрые дары от мужа, захватив с собой сына и двух дочерей. Вспомнив об этих чудесных, благовоспитанных детях, старая госпожа решила непременно оставить госпожу Вэнь с семьей в столице. Самое время было подыскать молодым людям достойные партии среди столичной знати.

Матушка Ван видела госпожу насквозь и сразу поняла, куда клонятся ее мысли, однако предпочла смолчать о главном, лишь ележно добавила:

— Все они — ваша кровь, госпожа. Не будь у второго господина искры божьего ума, разве родилась бы у него старшая барышня? Барышня Хан Цинсюэ ведь так похожа на вас в юности!

Этим искусным замечанием она ухитрилась польстить и молодой барышне, и самой старой госпоже.

Барышня Хан Цинсюэ занимала особое место в сердце старой госпожи, так что лесть пришлась как нельзя кстати. Лицо старухи просветлело, и она довольно прищурилась:

— Твоя правда. Слава предкам, эта девочка уродилась не в своих непутевых родителей.

«Какое счастье, что у нее хватило ума пойти не в них, — мысленно добавила старая госпожа. — Иначе Добродетельная наложница ни за что не выделила бы ее среди прочих претенденток во дворце».

Предвкушая грядущий триумф и богатство своей семьи, старая госпожа вдруг вспомнила о нарушителе покоя — Хан Сизэне, этой паршивой овце в их стаде. Радость мигом улетучилась, лицо ее потемнело:

— Чэнь Сян, поди позови госпожу Лю.

Служанка послушно склонилась и бесшумно выскользнула из покоев.

Под «госпожой» старая госпожа, разумеется, имела в виду вторую жену своего старшего сына.

Пока в главном доме кипели страсти, Хан Сиэнь в своем уголке предавался полному покою. Стон и завывания няни Дун, доносившиеся с самого утра, порядком ему надоели. Не выдержав шума, он приказал Ань Цао заткнуть ей рот первой попавшейся грязной тряпкой.

По правде говоря, няня Дун не всегда желала мальчику зла. Когда ее только прислали в герцогское поместье, она преданно и усердно заботилась о маленьком хозяине. Беда была в том, что покровители из поместья маркиза Цзинго находились слишком далеко. Без строгого присмотра и твердой руки верность со временем уступила место алчности.

Перелом случился, когда ее непутевого сына умышленно втянули в игру на костях. Поначалу, подмешивая отраву в чашу с лекарством Хан Сиэня, няня Дун содрогалась от страха. Но когда ростовщики прислали ей отрубленный палец сына, завернутый в окровавленную тряпку, остатки совести испарились.

Со временем предательство стало для нее привычным делом. Сын ее, несмотря на увечье, устроился управляющим в одну из лавок. Няня Дун быстро нашла оправдание своим грехам: не сделай этого она, на ее место нашли бы другого. К тому же убивать молодого господина она не собиралась — лишь подсыпала зелье, от которого тот медленно чах. Обменять здоровье чужого ребенка на богатство и безопасность собственного казалось ей вполне выгодной сделкой.

К тому же влиятельные люди из герцогского поместья твердо обещали: если родичи из поместья маркиза Цзинго заподозрят неладное, ей помогут сменить имена, снабдят щедрым золотом и тайно вывезут всю ее семью из столицы.

Стоило разуму заглушить голос совести, как страх отступил, уступив место равнодушной жестокости.

Прежде у Хан Сиэня служили четыре верные служанки — Мэй, Лань, Чжу и Цзюй. Но дева Мэй была на редкость хороша собой, чем и привлекла похотливый взор хозяйского сына. Няня Дун коварством заманила бедняжку к себе домой, где ее сын силой овладел несчастной. Дева Мэй наотрез отказалась выходить замуж за насильника и той же ночью бросилась в реку.

Вскоре Лань Юй случайно прознала об отраве. Оцепенев от ужаса, она поделилась тайной с Чжу Си. Девушки, обнимая плачущего Хан Сиэня, понимали, что просить заступничества у госпожи Лю бесполезно, а потому решили пробиться к самому Хан Чжо.

Но не успели они сделать и шага, как попались в руки няни Дун. Негодяйка без лишних слов

опоила пленниц зельем, лишившим их голоса.

После этого немую Лань Юй продали в Башню Весеннего Ветра, где несчастная угасла всего за три месяца. Чжу Си отрубили кисть руки и, обвинив в краже господского имущества, сбыли с рук безжалостным работаровцам. Больше в столице ее никто не видел.

Из всей четверки подле молодого господина осталась лишь одна Цзюй Ю. Поняв, что силы слишком неравны, девушка не стала перечить судьбе. На людях она казалась покорной, но в глубине души уже зрело отчаянное решение.

Притворившись равнодушной, она вела себя так, словно ничего не произошло, и даже громче всех поносила сгинувших подруг за глупость и воровство. Две недели спустя она умышленно привлекла внимание конюха, прозванного Одноглазым Драконом.

А затем, забившись в темный угол, стиснула зубы и тяжелым камнем раздробила себе кость на ноге.

Этот конюх, Ма Чжун, был горьким пьяницей и диким зверем в ярости. Свою прежнюю жену он до смерти забил кулаками во хмелю.

Поначалу, зная, что Цзюй Ю прислана из поместья маркиза Цзинго и состоит при молодом хозяине, которого якобы опекал сам Хан Чжо, Ма Чжун не смел и дышать в ее сторону.

Но когда прослышал, что девка покалечена, то сразу смекнул выгоду и через посредников передал няне Дун о своем желании взять ее в жены.

Няня Дун и сама ломала голову, как избавиться от последней свидетельницы. Предложение одноглазого живодера пришлось как нельзя кстати: мысль о том, что строптивая девка до конца дней своих будет терпеть побои и муки, тешила ее черную душу. Негодяйка с легким сердцем дала согласие.

Однако, дабы не навлечь подозрений, если из поместья маркиза вдруг пришлют проверку, требовалось выставить дело так, будто калека сама возжелала этого брака.

Цзюй Ю, разыгрывая комедию, отчаянно рыдала и кричала, что лучше наложит на себя руки. Но конюх силой утащил ее в свою конуру. В ту же ночь, изрядно выпив, он жестоко избил беззащитную девушку. После этого она притихла и покорно склонила голову.

Цзюй Ю пошла на это не от хорошей жизни — она знала, что это единственный способ уцелеть. Только выбрав в мужья самое омерзительное, жестокое отребье, она могла усыпить бдительность няни Дун и избежать скорой смерти.

«Главное — выжить, — твердила она себе сквозь слезы и боль. — Когда люди из поместья

маркиза Цзинго вернутся, я стану их главным живым свидетелем».

Теперь и самой няне Дун довелось полной чашей испытать эти муки. Потерять голос, лишиться возможности двигаться — воистину, колесо сансары сделало свой оборот, воздав ей по заслугам.

Когда лекарь Чжоу и Хан Чжо переступили порог дворика Душистых Орхидей, взгляд гостя на миг задержался на скрюченной фигуре няни Дун.

За долгие годы при дворе Чжоу навидался всякого — гнев владык уносил тысячи жизней, так что изувеченное тело старухи не вызвало у него сочувствия. Он лишь бесстрастно скользнул по ней глазами и проследовал дальше.

На лице Хан Чжо, напротив, отразилось сложное чувство — смесь стыда, вины и запоздалого раскаяния.

Завидев вошедших, Хан Сиэнь даже не попытался подняться. Он лишь молча протянул бледную руку для осмотра.

— Простите моего неразумного сына за непочтительность, — поспешил оправдаться Хан Чжо.
— Он с детства слаб здоровьем, ему трудно двигаться. К тому же он видит вас впервые. Лекарь Чжоу, не держите на него обиды.

Любой сторонний слушатель, услышав этот тон, проникся бы уважением к столь любящему и заботливому отцу.

Лекарь Чжоу лишь доброжелательно махнул рукой, показывая, что не держит зла. Присев у постели, он сосредоточенно коснулся запястья юноши.

На сей раз проверка затянулась, и лицо старого лекаря с каждым ударом чужого сердца становилось все мрачнее.

Наконец он медленно убрал руку и погрузился в тягостное молчание.

Не выдержав тишины, Хан Чжо порывисто спросил о приговоре. Чжоу долго вглядывался в исхудавшее лицо юноши, прежде чем тихо произнести:

— Жизненные силы наследника истощены почти до предела. Отныне ему потребуется непрерывный уход и самые редкие лечебные снадобья.

Хан Чжо прекрасно уловил скрытый смысл этих слов. Его лицо мгновенно исказилось от горя и показной ярости.

Хан Сиэнь же, словно не замечая нависшей грозы, слегка склонил голову набок и тихо, с обезоруживающей кротостью спросил:

— Господин лекарь, я прожил на свете столько лет, но так и не повидал ничего за стенами этого двора. Не могли бы вы дать мне лекарство, которое вернуло бы мне силы хотя бы для одной прогулки?

Старик разомкнул губы, собираясь что-то сказать, но лишь тяжело вздохнул:

— Наследник может быть спокоен. Я сделаю все, что в моих силах.

На бледных губах Хан Сиэня заиграла едва заметная улыбка. Несмотря на нездоровую желтизну исхудавшего лица, в этот миг он казался удивительно светлым. Холодный блеск в его глазах сменился живым, лукавым сиянием.

Чжоу пристально посмотрел на юношу, в его глазах промелькнула глубокая дума. Закончив писать рецепт, он молча покинул дворик Душистых Орхидей.

Едва шаги лекаря затихли, Хан Сиэнь медленно прикрыл веки.

«Эта кроткая улыбка наверняка всколышет в душе императора воспоминания о покойном друге», — мысленно усмехнулся он.

По дороге к главным воротам Хан Чжо несколько раз порывался заговорить, но решился лишь у самого выхода:

— Лекарь Чжоу, умоляю, скажите мне чистую правду. Сколько еще отмерено моему бедному сыну?

Чжоу скорбно покачал головой:

— Яд, который ему подсыпали, действовал медленно и скрытно. Даже при осмотре распознать его было почти невозможно. Время упущено, тело отравлено до глубины костей. Боюсь, даже при самом заботливом уходе наследник не доживет и до двадцати лет.

Взгляд Хан Чжо мгновенно остекленел. Не дожидаясь, пока лекарь закончит фразу, он вихрем ворвался в боковую оружейную, сорвал со стены тяжелый меч в ножнах и, обнажив лезвие, яростно устремился обратно к дворику Душистых Орхидей.

— Проклятая тварь! — рычал он сквозь зубы. — Сгноить моего единственного наследника! Собственными руками прирежу старую суку!

<http://bllate.org/book/20088/2001969>